

была Пермь, реальное преобразование пермского культурного ландшафта, а они бы понимали себя не как культурные трегеры, не как небожители («Мы всё сделаем сами, вы нам только не мешайте»), если бы это был акт служения, некая миссия — вот тогда да. Но этого не получилось.

■ Иногда мне кажется, что Москва — это болезнь современной России, которую никто не лечит и которую отказываются замечать. По поводу Москвы и провинции не написано ни одной работы, ни одной социологической диссертации — со статистикой и прогнозами. Очевидно, что на эту тему наложен запрет. Этой темы касаться нельзя.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ СЕЙЧАС СТОЯТ НА ПЕРВОМ МЕСТЕ, НО ЖИЗНЬ ЗАСТАВЛЯЕТ НАС ДУМАТЬ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО О ДРУГИХ ВЕЩАХ

■ Я понимаю, что всё самое главное в нашей исторической реальности, видимо, будет происходить в сфере культуры, в сфере сознания. И это будет происходить в тех странах или городах, где есть сильная человеческая среда, где есть некое поле высокого напряжения. Если Пермь останется городом второго провинциального ряда, городом, из которого уезжают самые талантливые и самые деятельные, у неё мало шансов на приличное будущее. Есть первый провинциальный ряд, куда можно отнести Екатеринбург, Новосибирск, Нижний Новгород. Санкт-Петербург — это вообще особый случай. Это инь московского ян, как я это называю. А второй ряд — это Пермь, Краснодар, Ростов, Волгоград, Саратов. Если Пермь останется городом второго провинциального ряда, если в ней не будет происходить ощущимых перемен в сознании — личном и общественном, — тогда у неё мало шансов стать интересным, живым местом, где хочется остаться. И тогда возглас чеховских трёх сестёр — в Москву, в Москву! — станет лозунгом тех, кто не захочет мириться с блёклым провинциальным существованием. Если в Перми не будут оставаться талантли-

вые люди, то Перми, по большому счёту, ничего не светит.

■ Согласен, что проблемы культуры сейчас стоят на первом месте. Но, к сожалению, жизнь заставляет нас думать преимущественно о других вещах. Культура всё более становится непозволительной роскошью. Её могут позволить себе лишь очень богатые города, прежде всего Москва и Санкт-Петербург. Поэтому они и отдаляются от нас всё больше. Выигрывают в настоящей ситуации только они. Но, хочется добавить, при этом проигрывает Россия. И с каждым годом — со всё большим счётом.

■ Мне кажется, современные гуманитарные технологии только и занимаются что карнавализацией жизни. Культура сегодня интересна большинству только как развлечение. Проект москвичей, конечно, насытил пермскую жизнь стихией игры. Я не хочу сказать, что это было плохо. Я никогда не жил более интересно, чем с 2008 по 2012 годы. Но, к сожалению, не было чего-то основательного. Всё это нешло вглубь. Хотя москвичи, насколько я понимаю, пытались сделать что-то и в глубинке.

О региональной идентичности

■ До 1990-х годов Пермь вообще не делала попыток размышлять по поводу самой себя. Потом региональное самосознание проснулось. И книга Владимира Абашева «Пермь как текст» — самый яркий момент этого процесса.

■ Алексей Иванов попытался создавать действительно серьёзные культурные проекты. Выйдя за пределы собственно писательства, он стал ещё и культурным продюсером. Он настаивал на том, что модернизация Перми как города, как человеческого сообщества должна происходить на пермской почве, как нормальный синтез традиционного и нового. Алексей Иванов с его книгами, с его фильмами применительно к Перми — это упущенная возможность. Это можно поставить в упрёк не только команде Марата Гельмана (там были, видимо, принципиальные разногласия), но и пермской власти. Я думаю, поддержки Алексея Иванова наша власть, у нас впервые состоялся бы серьёзный культурный проект на собственной культурно-исторической основе. Этот несостоявшийся проект был, скорей всего, альтернативен «актуальному» проекту Гельмана. Хотя в принципе эти проекты могли бы дополнить друг друга. Мне кажется, Алексей Иванов — практический человек, достаточно рациональный и деятельный. Он вполне современен.